

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В XI В.

Разделение Вселенской Церкви на Восточную и Западную произошло под действием множества самых различных причин, которые веками, налагаясь друг на друга, подтачивали единство Церкви, пока, наконец, не оборвалась последняя связующая нить. Несмотря на все многообразие этих причин мы можем условно выделить среди них две основные группы: религиозные и этнокультурные.

Собственно религиозных причин раскола две: стремление Римских первосвященников к абсолютной власти над Церковью и догматические уклонения от чистоты кафолического вероучения, среди которых важнейшим является изменение Никео-Цареградского Символа веры вставкой *filioque*. Оно прямо нарушает 7 правило III Вселенского Собора, которое определяет: «Да не будет позволено никому произносить... или слагать иную веру, кроме определенную от святых отец в Никее граде со Святым Духом собравшихся».

Следующая группа явлений, решительно способствовавших ослаблению церковного единства даже в то время, когда оно еще сохранялось, относится к области национальных и культурных условий развития христианства на Западе и на Востоке.

Ни одна Церковь не избежала влияния этих условий в своей истории, но в данном случае мы имеем дело со столкновением двух наиболее мощных традиций античного мира – эллинской и римской. Различие этнокультурной устремленности этих традиций заложило глубинные различия в усвоении истины Христовой на Западе и на Востоке. Эта глубинная «противоположность несущих этносов» медленно, но неуклонно увеличивала степень отчуждения, пока оно наконец, не стало реальностью в XI столетии. И причина этого заключалась уже не только в притязаниях пап, просто разным стало направление развития церковной жизни.

Народы эллинского мира, по словам Б. Мелиоранского «поняли христианство преимущественно как богооткровенную метафизику и этику, как свыше указанный путь к нравственному совершенству и спасению личности и к познанию сущности Божией». Этим объясняется полнота пылливой богословской жизни Востока, которая равно изливалась в глубинах Богопознания и в еретических уклонениях от него, сотрясая и обессиливая восточный церковный организм.

Напротив, то что В.В. Болотов назвал «воздействием романского на христианское» выразило себя в терпеливом и методичном созидании церковного здания, ибо римляне «как самый государственный в мире народ, как создатели образцового права они поняли христианство как богооткровенную программу общественного устройства. ... Где Восток видел философскую и моральную идею, там Запад создавал институт...»

Накопление отклонений от общего учения и жизни неразделенной еще Церкви свидетельствовало о самостоятельном развитии западной ее половины, которое и закрепилось в расколе, ставшем, по словам А. Хомякова «произвольным, ничем не заслуженным отлучением всего Востока»¹⁰. Восточная Церковь не дерзала вносить что-то новое в соборные истины, стоившие ей таких трудов и испытаний. Именно Запад начал самочинно изменять их, и этот отход от соборно утвержденного учения и бытия церковного разрешился расколом 1054 года. Последующее развитие Церкви лишь подтверждает этот вывод, ибо общая вера неразделенной Церкви сохраняется Восточной Церковью в неизменности даже до сего дня, тогда как прошедшие столетия отяготили самостоятельное церковное развитие Запада множественными нововведениями, которые все более отдаляют его от общего наследия.

Растущей самостоятельности, даже самодостаточности Запада сопутствовало истощение соборного начала в жизни Вселенской Церкви, которое уже не могло более сопротивляться распаду. В прежние века для разрешения разномыслия созывался Собор, и сила его решений вразумляла и соединяла враждующих. После завершения эпохи Вселенских Соборов не стало удерживающего начала, и самочинные новшества Запада уже не привели к созыву нового Вселенского Собора, который мог бы оградить мир церковный.

Более полное представление о степени отчуждения Запада и Востока мы можем получить, если обратимся к непосредственно предварившим Великий раскол событиям.

В середине IX столетия Византия была потрясена только что пережитой борьбой с иконоборчеством и после его поражения образовалось две партии: «зилоты» или сторонники беспощадной борьбы с еретиками и стоявшие за снисходительное к ним отношение «икономисты».

Противоборство между этими партиями вылилось в ожесточенное противостояние патриархов Фотия и Игнатия, в котором самое активное участие принял Рим. Следствием этого стал разрыв отношений Востока и Запада, который прекратился лишь после Свято-Софийского Собора 879–880 гг. Кроме папских легатов на Собор прибыли представители восточных Патриархатов и множество епископов, число которых достигало 383-х. Таким образом, это был один из самых представительных Соборов за исключением Халкидонского.

На этом Соборе при участии легатов было принято постановление против попыток внесения в символ веры *filioque*. Были вновь осуждены притязания пап на верховную власть в Церкви, и одно из правил этого Собора подтверждало полное равенство епископов Рима и Константинополя. На Соборе был оглашен Никео-Цареградский символ веры и принято постановление о его полной неизменности, а также было решено «не допускать никаких нововведений в управлении Вселенской Церковью». Свято-Софийский Собор часто причисляли к числу Вселенских, и вплоть до XII столетия таковым его считала Западная Церковь. Для нас он имеет значение прежде всего как выражение соборного мнения Восточной Церкви относительно властных и догматических заблуждений Запада.

Предшествовавшие Великому расколу десятилетия являют собой картину «худого мира», который нередко нарушался и в конце концов разрешился «доброй ссорой». В.В. Болотов приводит впечатляющую статистику исторического взаимоотношения Восточной и Западной Церквей. Из пяти с половиной столетий, прошедших со времени Миланского эдикта 312 г., лишь в течение 300 лет отношения между Церквами были нормальными, и более 200 лет они, по тем или иным причинам, были прерваны.

В церковной истории существует точка зрения, согласно которой Рим сознательно обострял отношения с Востоком перед Великим расколом, добиваясь их разрыва. Для такого стремления были свои основания, ибо неповиновение Востока явно стесняло Рим, подрывало его монополию, поэтому как пишет Б.Мелиоранский: «Восток отказывается повиноваться и нет средств принудить его к повиновению; остается объявить, что послушные церкви и суть вся истинная Церковь».

Поводом к окончательному разрыву в июле 1054 г. послужил очередной конфликт из-за церковных владений папы Льва IX и патриарха Михаила Керуллария. Рим в последний раз попытался добиться безоговорочного повиновения Востока, а когда стало ясно, что это

невозможно, то папские легаты, «соскучившись, по их собственным словам, сопротивлением Михаила», явились в храм Святой Софии и торжественно возложили на престол буллу отлучения от Церкви, которая гласила «Властью Святой и нераздельной Троицы, Апостольской кафедры, послами коей мы являемся, всех святых православных отцов Семи Соборов и католической Церкви, мы подписываем против Михаила и его приверженцев – анафему, которую наш преподобнейший Папа произнес против них если они не опомнятся». Абсурд происшедшего дополняло еще и то, что папа, от имени которого они произносили анафему, был уже мертв, он умер еще в апреле этого года.

После отбытия легатов патриарх Михаил Керулларий созвал Собор, на котором легаты и их «нечестивое писание» после рассмотрения были преданы анафеме. Следует заметить, что была предана анафеме не вся Западная Церковь подобно тому как это сделал кардинал Гумберт по отношению к Восточной, но лишь сами легаты. При этом, конечно, сохраняют силу осуждения Соборов 867 и 879 гг. относительно латинских нововведений, *filioque* и папских притязаний на первенство.

Все восточные патриархи были извещены о принятых решениях окружным посланием и выразили им поддержку, после чего церковное общение с Римом прекратилось на всем Востоке. Никто не отрицал почетного первенства папы, установленного отцами, но никто и не соглашался с его верховной властью. Согласие всех восточных предстоятелей в отношении к Риму подтверждает пример Петра III, патриарха Антиохии, где имя папы было вычеркнуто из диптихов задолго до Великого раскола. Известна его переписка с Римским престолом о возможности восстановления единства, в ходе которой он получил из Рима письмо с изложением папской точки зрения. Оно настолько поразило его, что Петр III немедленно отослал его патриарху Михаилу, сопроводив весьма выразительными словами: «Эти латиняне, в конце концов, являются нашими братьями, несмотря на всю их грубость, невежество и пристрастие к собственному мнению, что иногда сводит их с прямой дороги».

СВЯТИТЕЛИ ФОТИЙ И ИГНАТИЙ, ПАТРИАРХИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ

С 846 года патриаршую кафедру в Константинополе занимал патриарх Игнатий. Это был человек высоких моральных качеств, но в своих пастырских требованиях отличался такой суровостью, которая иногда выходила за пределы благоразумия. Не случайно на первых же порах у него оказалось много врагов. Из них более опасным для него был опекун молодого императора кесарь Варда, брат императрицы Феодоры, которого подозревали в любовных связях с женой своего умершего сына. Игнатий увещевал Варду разорвать незаконную связь, но когда это не подействовало, патриарх решился на смелый шаг: в праздник Богоявления он не допустил Варду до святого причащения. Варда не мог простить такого оскорбления патриарху.

Таким поступком предстоятеля был возмущен и сам император Михаил. Кроме того, он озлобился на Игнатия за то, что тот отказался поддержать предложенный ему Вардой план удаления своей матери от управления государством с пострижением ее в монашество. Осуществив свой план без участия Игнатия, Варда сумел последнего обвинить в государственной измене и отправил в ссылку на остров Тенервинф.

Вместо Игнатия на патриаршую кафедру 25 декабря 858 года был возведен сенатор Фотий, составлявший по своим достоинствам исключительную личность среди своих недалёковидных

современников. Это был человек сильной воли и твердого характера, широкого житейского и административного опыта, глубокий и всесторонний ученый.

Фотий неохотно под сильным давлением принял патриарший престол, предварительно убедившись, что Игнатий примирился с низложением. Пройдя в течение шести дней все ступени священства до патриаршества, собором епископов Фотий единодушно был избран на первосвятительский престол.

Но это было началом тяжелой драмы, с которой связано его патриаршество и результатом которого был разрыв между Церковью Восточной и Западной.

Потеря патриаршего престола не сломала Игнатия, и он оказался в полосе острой политической борьбы, которая образовала два непримиримых лагеря— Фотия и Игнатия. Так в Константинопольском патриархате образовался раскол. Несмотря на свою малочисленность, партия Игнатия вступила в ожесточенную борьбу со сторонниками Фотия. Сторонники Игнатия собрали в 859 году собор и отлучили Фотия от Церкви. Фотий ответил на это своим собором и отлучил Игнатия.

Начавшиеся волнения в Константинопольском патриархате дали повод папе Николаю I вмешаться в церковные дела на Востоке. Этот папа был фанатичным поборником идеи главенства Римского епископа во Вселенской Церкви. Ближайшим поводом для его вмешательства в дела Константинопольской Церкви было окружное послание Фотия к Церкви Римской, вместе с такими же посланиями к другим патриархам, с извещением о своем вступлении на престол. Вместе с посланием Фотия император со своей стороны отправил письмо папе с богатыми подарками апостольской кафедре. Однако Николай принял это за обращение к римскому престолу как за поддержкой.

Высокомерный Николай I отправил в Константинополь двух легатов с письмами к Фотию и императору. Тонм верховного судьи папа заявлял императору и Фотию, что все, случившееся в Константинополе, он не может признать законным, пока его легаты не исследуют дела, потому что все это совершилось без ведома папы. Папа не признавал Фотия законным патриархом в силу того, что избрание его на этот престол прямо из мирян было неканоничным. В доказательство этого он ссылался на многие постановления Западной Церкви, в том числе на постановления его предшественников. Письма папы произвели неблагоприятное впечатление в Константинополе. Иерархи поняли, какая опасность грозит от Рима.

Этот момент сыграл на руку Фотию. Константинопольская иерархия видела, что только Фотий может отстоять автокефалию всей Церкви. В таких условиях легаты папы не почувствовали к себе особого почета на Востоке, и на Константинопольском двукратном соборе 861 года их участие было чисто символическим.

Собор из 318 епископов признал Фотия законным патриархом. Папским легатам оставалось выразить полное согласие этому постановлению. Определения собора были отправлены к папе Николаю. Вместе с тем император и патриарх отправили папе письма. В своем послании, отличавшемся высоким достоинством и силой доводов, Фотий объяснял папе, что патриархом он стал в силу определенного стечения обстоятельств и решительно заявил, что таких канонов, в нарушение которых он избран патриархом, Константинопольская церковь не знает.

Свое быстрое возведение в сан патриарха Фотий защищал историческими примерами. Он указывал, что прямо из мирян были возведены на патриаршую кафедру на Востоке патриархи

Тарасий, Никифор и Нектарий и на Западе епископ Амвросий, причем последние два были избраны на епископию даже до принятия крещения.

Получив письмо Фотия, папа понял, что он имеет дело с твердым и умным противником. Однако неудача не смутила Николая I. В ответных письмах своих к императору и Фотию он продолжил традицию пап играть роль верховных вершителей церковных вопросов. Он заявлял, что апостолу Петру, сравнительно с другими апостолами, даны большие полномочия, и папа, как его наместник, является преемником этих полномочий. Ссылаясь на эти полномочия, папа решительно не признал Фотия законным патриархом, считая таковым Игнатия. Папские письма со стороны императора и патриарха остались без внимания. Но, казалось бы, закончившийся спор, разгорелся вновь.

Низложенный патриарх Игнатий подал апелляцию к папе Николаю с просьбой расследовать его дело. Таким обращением к папе партия Игнатия фактически признавала высшую церковную юрисдикцию Рима. Папа ликовал, так как видел, что торжество партии Игнатия будет его торжеством.

Собор 863 г. в Риме лишил Фотия не только патриаршества, но и сана церковного клирика. Собор указал, что в случае невыполнения его постановления Фотий отлучается от таинства евхаристии за исключением только смертного случая. Эти последствия касались и всех духовных лиц, посвященных Фотием, в случае, если они не прервут с ним общения. Игнатий восстанавливался в правах патриарха вместе с его сторонниками, включая тех, которые обвинялись в каких-либо преступлениях.